

В. А. ВЕРГУНОВ

ВОССОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ РОССИИ

Можно ли считать российское сельское хозяйство успешным? Основывался ли этот успех на достижениях науки? Какой именно была (если была вообще) в царской России сельскохозяйственная наука? Что произошло с ней при переходе от империи к Советам?

Попыткой хотя бы отчасти разобраться с этими вопросами является недавно увидевшая свет монография О. Ю. Елиной «От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX в.»¹. Оставив в стороне тему самого сельского хозяйства, его «рутинности» или, напротив, «научности», автор книги прослеживает, в каких организационных формах происходило в России становление сельскохозяйственной науки, что тормозило ее развитие, в чем причины ее успехов. В центре ее внимания – сельскохозяйственные опытные учреждения, места, где наука «делалась» экспериментально и где ее результаты внедрялись в практику. Затронутыми оказались также отдельные циклы работ, обогативших теорию агрономической науки.

Проведенное Елиной исследование отличается от многих предыдущих тем, что оно является попыткой взглянуть на сельскохозяйственную науку глазами социального историка. Это позволило ей рассмотреть отрасль как единое целое, не разбивая ее на отдельные дисциплины, как это принято у историков аграрных. В то же время такой подход чреват уклонением в сторону описания «парада достижений» и игнорированием неудач, ошибок и тупиковых направлений науки, что обедняет ее историю.

Наука сельского хозяйства, наука для сельского хозяйства – это не только собственно агрономические дисциплины, но и некоторые естественно-научные направления в их приложении к агрономии. Прежде всего, это ботаника и химия (органическая и неорганическая). Поэтому отдельные сюжеты книги посвящены также проблемам флористики, систематики и физиологии растений. Внимание привлекают и вопросы «химии в приложении к земледелию» – от классических исследований по использованию минеральных удобрений и химии почв до работ по биохимии растений. При этом исследование ограничивается «растительной» сельскохозяйственной наукой, оставляя за рамками историю изучения сельскохозяйственных животных.

¹ Елина О. Ю. От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX в.: В 2-х т. М., 2008. Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 488 с.

В основу монографии был положен не только хронологический, но и аналитический принципы. Поэтому выделенные в ней исторические этапы не всегда совпадают с частями и главами предлагаемого исследования. Длительный временной период исследования, многоаспектность рассматриваемых вопросов потребовали обращения к самым разным группам доступных источников – как опубликованным материалам, так и архивным документам.

Нельзя утверждать, что история отечественных сельскохозяйственных опытных учреждений никогда не становилась предметом самостоятельного исследования. Принимая во внимание определенную историографическую неразработанность данного вопроса, в книге отмечен ряд трудов, близких к теме данной монографии. Речь идет о работах по социальной и когнитивной истории аграрной науки, ее отдельных направлений и аспектов. Несмотря на традиционный интерес к аграрной сфере, в отечественной историографии имеется не так много работ, посвященных ее истории. Среди них, в первую очередь, можно выделить труд А. А. Вербина², который в жанре исторических очерков характеризует основные этапы развития агрономического знания в России – от земледелия древних веков до основных направлений сельскохозяйственной науки в СССР. Другим важным исследованием является монография А. А. Никонова³, где представлен общий анализ аграрной науки и политики России начиная с XVIII в.; особенно пристальное внимание уделено событиям в аграрной сфере в XX в., включая годы перестройки. Существуют также работы, посвященные истории отдельных основополагающих направлений агрономии и некоторых важных для исследования естественнонаучных дисциплин – от агрохимии до растениеводства, от почвоведения до ботаники. Однако все эти труды, ценные как общая историографическая база, не затрагивают специально вопросы организации сельскохозяйственных опытных учреждений.

Обширная панорама становления и развития сельскохозяйственной науки и практического опытнического дела на протяжении длительного исторического периода – от XVII до начала XX в. представлена в первом томе монографии. Безусловный интерес не только историков науки, но и широких читательских кругов вызовет первый раздел тома «“Садовая наука” – предтеча опытной агрономии», в котором рассмотрена история монастырских и царских садов и садовых экспериментов в XVII – первой трети XVIII в., и прослеживается дальнейшее развитие сельскохозяйственных знаний. Большое внимание уделяется описанию агрономических инициатив русских помещиков (середина XVIII – начало XX в.), деятельности «вельможных патронов ботаники» – состоятельных представителей дворянства по созданию декоративных садов и парков (середина XVIII – конец XIX в.) и «экономов» – сельских хозяев – которые предпринимали в своих поместьях попытки заниматься научной агрономией (вторая половина XVIII – начало XIX в.); проводит-

²Вербин А. А. Очерки по развитию отечественной агрономии (введение в агрономию). М., 1958.

³Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). 2-е изд. Минск, 1996.

ся анализ движения рациональных (образцовых) хозяев (начало XIX в. – 1860-е гг.) и возникновения интереса к агрохимии, регулярным агрономическим опытам и организации частных сельскохозяйственных станций (60-е годы XIX – начало XX в.).

Раздел II посвящен такому важному вопросу, как «общественное вспомоществование» агрономическим исследованиям (конец XVIII – начало XX в.). Здесь раскрываются участники и составляющие этой деятельности: научные и сельскохозяйственные общества как инициаторы проведения агрономических исследований и организаторы опытных учреждений, периодические издания, выставки, съезды, опытные поля и станции местных обществ в различных губерниях и уездах, объединения «агропромышленников». Отдельная глава посвящена земствам как патронам агрономии и земским сельскохозяйственным агентствам за рубежом.

Многие частные лица – от царских вельмож до мелкопоместных дворян – «радели о земледелии» и уже со второй половины XVIII в. на усадебных землях занимались приложением науки к полеводству. В итоге частные инициативы в сфере сельскохозяйственного экспериментирования, сначала единичные, затем все более обширные, стали заметным двигателем агрономического развития империи.

Частные опытные учреждения – итог плодотворного союза помещика-патрона и ученого-агронома, непосредственно занимающегося постановкой опытов. Здесь также был пройден длинный путь с постоянной сменой приоритетов в зависимости от вкусов патрона, моды, хозяйственной необходимости и т. д.

Две главные силы проявили себя на поприще «общественного вспомоществования» агрономии: одна – научные и сельскохозяйственные общества; вторая – земства; органы местного общественного самоуправления. Исторически первыми коллективными патронами были крупные научные, или, как тогда говорили, ученые, общества. Все пионеры отечественной агрономии – А. Т. Болотов, М. И. Афонин, И. М. Комов, М. Г. Павлов – непременно являлись членами таких объединений, причем, как правило, не только известных ученых обществ, но и местных сельскохозяйственных. Традиционно было принято состоять в Императорском Вольном экономическом обществе (ИВЭО, ВЭО) и Императорском Московском обществе сельского хозяйства (ИМОСХ, МОСХ), а кроме того, в одном из крупных региональных сельскохозяйственных обществ – Северном, Южнорусском (Южной России) или Центральном Царства Польского (Привислинского края).

Начиная с середины XIX в. общества создавались еще и в губерниях и уездах. В последнем случае определяющим оказывался *местный* фактор – близость имения патрона к штаб-квартире общества.

Императорские общества зарекомендовали себя активными организаторами опытных учреждений. Для нас важны и другие их проекты – издание периодики, проведение съездов и выставок. Такого рода деятельность вообще долгое время оставалась прерогативой общественных организаций. Лишь на рубеже XIX–XX вв. за проведение съездов взялось государство. Между тем при малом количестве опытных учреждений именно периодическая печать, съезды и выставки играли решающую роль в консолидации российского агро-

номического сообщества. Сообщая о новациях и достижениях, они вызывали интерес к агрономии в обществе. Все это так или иначе стимулировало проведение агрономических исследований.

Первые периодические издания в области сельскохозяйственной науки – ровесники императорских научных обществ России. «Труды» ВЭО (издавались с 1766 г.) возглавляют список сельскохозяйственной периодики. Другие крупные научные и сельскохозяйственные общества также достаточно активно проявили себя на поприще издательской и другой научно-организационной деятельности. В качестве примера упомянуто Императорское общество сельского хозяйства Южной России, которое с 1830 г. начало издавать «Записки». Это издание имело два отдела, в главном – научном – помещались оригинальные работы по всем отраслям естествознания, имеющим отношение к сельскому хозяйству. Вторым, официальный отдел публиковал отчеты о работе ИОСХЮР, правительственные распоряжения и другие документы, относящиеся к сфере сельского хозяйства. В 1910 г. общество провело в Екатеринославе одну из крупнейших в России сельскохозяйственных выставок, которую патронировал тогдашний премьер-министр П. А. Столыпин. К 1916 г. в России издавалось 300 газет, журналов и периодических сборников по сельскому хозяйству.

В монографии большое внимание уделяется местным обществам (губернским и уездным) – главным двигателям агрономического прогресса в провинции. Именно они, – как правило, в союзе с земствами – создали подавляющее большинство опытных учреждений империи, оставив далеко позади государственный сектор. Губернский или уездный статус вовсе не означал, что устремления общества ограничиваются губернией или уездом. Его деятельность могла охватывать ряд губерний, имеющих схожие природные и хозяйственные условия. Местные общества стали появляться с 30-х годов XIX в. Вот хронология создания первых из них, которые по характеру работы являлись преимущественно губернскими: в 1832 г. было создано Ярославское общество сельского хозяйства; в 1838 г. – Пензенское; в 1847 г. – Лебедяньское; в 1849 г. – Калужское; в 1858 г. – Смоленское; в 1858 г. – Симбирское.

Большой интерес, с точки зрения сегодняшнего дня, имеют представленные в монографии материалы об изучении земствами передового зарубежного опыта. Земские агрономы утверждали: без использования агрономической науки Россия скоро не сможет конкурировать с Америкой, тратящей сотни тысяч долларов на оригинальные исследования в сельском хозяйстве. Таким образом, установившиеся торговые связи земств с аграрным сектором США и необходимость домашнего апробирования американских методов научного земледелия – еще одна, вполне конкретная мотивация, подвигнувшая земства на открытие собственных опытных станций. В целом же проблемы хлебного промысла, конкуренция в торговле – главный побудительный мотив, заставивший их выделять деньги на научные исследования.

Впервые предложение о создании местной земской опытной станции прозвучало на областном съезде представителей восьми южных губерний России (Харьковской, Воронежской, Полтавской, Екатеринославской, Черниговской, Херсонской, Таврической, области Войска Донского), созданном в Одессе в

1881 г. для обсуждения вопроса о хлебных вредителях. Решение проблемы, по мнению собравшихся, состояло в том числе в создании при земских управах штатных должностей энтомологов и специальных энтомологических комиссий, а также финансировании подобных комиссий при университетах. Кроме того, в ходе обсуждения «вопроса о хлебном жуке» было высказано предложение об организации местных земских сельскохозяйственных опытных станций. Уже через год, 15 февраля 1882 г., проект первой из подобных станций был рассмотрен на заседании Харьковской энтомологической комиссии. Было признано «полезным устройство центральной сельскохозяйственной опытной станции близ Харькова».

Далее в монографии рассматривается создание селекционных отделов и специализированных станций на «черноземном юге» России с его активным общественным интересом к селекции.

Во главе новых селекционных подразделений оказались самые разные люди – местные агрономы, преподаватели региональных университетов, столичные ученые. Их объединяла молодость и увлечение менделизмом.

Вероятно, в земских управах и советах сельскохозяйственных обществ не боялись рисковать: возглавить работы по селекции поручали не опытным агрономам с именем и стажем (и, вполне вероятно, консервативными взглядами на растениеводство), а поколению тридцатилетних, открытому для восприятия нового в науке. Возможно и другое объяснение – молодых было легче (и дешевле) нанять; они охотнее шли на перемену места и статуса. Так или иначе, земские заведующие станциями и отделами селекции должны были освоить много нового, в том числе западноевропейские методики селекции, с которыми им предстояло ознакомиться на опытных станциях Германии, Австрии, Швеции и Англии. Такие зарубежные стажировки земства и общества часто организовывали на собственные средства. Иногда с земскими заданиями удачно совмещалась командировка для подготовки к профессорскому званию.

На Одесском опыном поле, которое возникло по инициативе Императорского общества сельского хозяйства Южной России при поддержке местных земств, решение начать селекционные работы было принято в 1909 г. Комитет опытного поля обратился к Андрею Афанасьевичу Сапегину (1883–1946) из Новороссийского университета с предложением разработать программу селекционных исследований.

Стремление увеличить рентабельность земледелия (и тем самым собрать больше налогов с земельных угодий), повысить качество продуктов аграрного экспорта (чтобы увеличить доходы от хлебной торговли) подвигло земства на организацию служб агрономической помощи, создание собственных опытных станций, в том числе селекционных. Кроме традиционных методов работы земской агрономии – научных исследований и практической помощи – для этого необходимо было изучить и освоить зарубежные инновации (в частности, используемые США, главным конкурентом России на аграрных рынках). При этом классических научных и ознакомительных краткосрочных поездок за границу, как полагали представители земств, для такого рода перенимания опыта уже было недостаточно. В результате возникли совершенно новые для земства учреждения – сельскохозяйственные

агентства за рубежом. Эти представительства были уполномочены осуществлять многочисленные функции – от закупки семян и сельскохозяйственных машин до изучения опыта организации агрономической помощи и результатов оригинальных научных исследований. Поскольку история земских агентств практически не изучена, в монографии о них говорится достаточно подробно.

Создавать заграничные агентства первыми начали южнорусские земства. Это неудивительно, если учитывать уже отмеченную острую заинтересованность Юга в изучении зарубежного, прежде всего американского, опыта. Земства неоднократно командировали своих агрономов для изучения агрономических практик и результатов опытных учреждений Западной Европы и США (вспомним поездки Сапегина в Свалёф, Таланова в США и т. д.). Нередко такие командировки получали широкую огласку вследствие «полезности результатов» их применения в местном земледелии.

Зарубежное сельскохозяйственное агентство было особым и достаточно редким учреждением в земской агрономии. Известны два случая устройства подобных агентств: в Бессарабской и Екатеринославской губерниях. Как, с какими целями и результатами возникали столь необычные проекты, прослежено на примере Екатеринославского земского агентства в США. Как оказалось, история агентства имеет тенденцию «раскручиваться назад», обретая все более ранние корни. В настоящее время, как мы полагаем, выявлен достаточно значительный перечень источников, который позволяет детально реконструировать события.

Истоки агентства уходят в переплетение инициатив частных лиц, сельскохозяйственных обществ и структур местного самоуправления. Как часто бывает при изучении нововведений крупных общественных объединений, мы столкнулись и с ситуацией сугубо «общественных», «безымянных» решений. И это несмотря на то, что установлены многие лица, которые были задействованы в данном общественном начинании (прежде всего те, кто публично представлял проект и убеждал в его важности аудиторию общественных избранных).

Первые упоминания о предложении по созданию агентства связаны в том числе с Императорским обществом сельского хозяйства Южной России. На совещании Совета ИОСХЮР, которое собралось в Одессе 23 августа 1905 г. специально для обсуждения вопроса об агентстве в США, докладчиком был Ф. Ф. Крыштофович, который сумел убедить собравшихся в целесообразности его создания. Кроме Крыштофовича присутствовали А. А. Броунер, А. А. Бычихин, Г. Веру, М. В. Козловский, А. Г. Комша, А. И. Погибка, В. С. Шемиота, Л. П. Сокальский, Ю. И. Дедюша.

Екатеринославское губернское земство, придавая чрезвычайно важное значение своевременному ознакомлению с успехами сельского хозяйства в Америке, учредило собственную агентуру, в задачи которой входило посредничество по выписыванию машин и орудий, приобретению новых сортов растений, ознакомление с характером и направлением сельскохозяйственного прогресса в США, способами накопления и распространения сельскохозяйственных знаний и, в особенности, организацией и результатами деятельности сельскохозяйственных опытных учреждений.

Результатом деятельности зарубежных агентов стал объемный труд почти в 150 страниц, который включал изложение истории создания опытных станций в США с деталями, касающимися их финансирования, и подробными характеристиками отдельных станций: описанием их устройства, структуры, штатов, результатов деятельности и пр. Посвящая этот выпуск «несколько специальной теме» опытных станций, Розен от имени Агрономического бюро Екатеринославской управы выражал надежду, что «ближайшее ознакомление с этим вопросом окажется небезытересным для местных хозяев и земских деятелей... и явится также полезным материалом при разработке вопроса о широкой постановке опытного дела в нашей стране – вопроса... ставшего уже предметом ближайших забот правительства» (т. 1, с. 350).

Интенсивно продолжалась работа агентства и в 1909 г. Интересен отчет о полугодовой его деятельности по март 1909 г., который включал в себя помимо обстоятельного описания деятельности агента серию небольших статей (часть из которых была опубликована также в газете «Русская правда» и других изданиях). В их числе: «Как собирают в Америке сведения об урожаях», «Впечатления о конгрессе “сухого земледелия”», «Опыты с сортами овсов в Америке», «Болезни кукурузы и сорго», «Борьба с осотом посредством опыскивания» и др.

К тому же времени относятся крупные публикации, составившие специальные номера «Известий». Это прежде всего труд В. В. Таланова «Кукуруза и однолетние кормовые растения засушливой полосы Соединенных Штатов», подготовленный по данным американских опытных станций и в связи с результатами коллективных опытов 1908 г. в Екатеринославской губернии, а также чрезвычайно важная для земства работа Розена «Постановка хлебной торговли в Соединенных Штатах», которая имела «особенное значение в настоящее время пересмотра всего этого дела в нашей стране и, в частности, земствами». Составленная на основании анализа данных крупнейших американских рынков, в том числе рынка в Миннеаполисе – главного в стране, она содержала исключительно важные материалы для земств, вступающих на путь хлебной торговли. Среди других направлений работы отмечены, прежде всего, закупка 447 пудов семян различных сортов на сумму более 3400 руб. с 737 руб. чистой прибыли. Причем для испытания сортов кукурузы, сорго, яровых пшениц в губернии были заложены специальные опытные участки.

Земство, наряду с правительством, оказалось чрезвычайно результативным патроном сельскохозяйственных опытных учреждений. Его лидерство признавала и центральная власть. Непростые отношения, связывавшие земство и правительство, к началу XX в. сменились признанием земства как равного партнера при определении государственной политики в области агрономии.

Второй том монографии посвящен формированию государственной политики в области сельскохозяйственной науки. Главным событием здесь стало образование на рубеже XIX–XX вв. Министерства земледелия, которое при активной земской поддержке организовало государственную сеть сельскохозяйственных опытных учреждений. На созданных за короткий период крупных, хорошо оснащенных опытных станциях начались масштабные исследо-

вания по агрохимии, прикладной ботанике, селекции. Отмечены особенности агрономических исследований в период Первой мировой войны, в частности, плодотворный союз оборонной промышленности и агрохимии (туковых производств). Автор обращает внимание на преемственность агрономической политики после 1917 г. – сохранение большевиками основных имперских программ, режим особого благоприятствования для селекции и семеноводства.

В данном томе рассмотрено, что сделало Российское государство – империя, а затем Советы – для содействия агрономическим исследованиям, или, как тогда говорили, для развития «сельскохозяйственного опытного дела».

Начало формирования государственного интереса к агрономии можно отнести к первой половине XIX в. Этот период знаменателен дальнейшим развитием первых казенных институций – государственных ботанических садов, где в то время усилилось агрономическое направление работ. И главное – формированием первых правительственных структур, отвечающих за сельское хозяйство.

Возникшие управленческие учреждения, однако, в течение длительного времени практически не уделяли внимания развитию агрономических исследований. Ключевым для российской агрономии стал период конца XIX – первого десятилетия XX в., когда формировалась аграрная политика и агрономия была признана основой модернизации сельского хозяйства. Именно тогда закладывались основы общероссийской организации опытного дела – от реформирования ведомства земледелия и появления в его стенах исследовательских подразделений до создания общероссийской сети опытных полей и станций.

При изучении этого периода особое внимание уделено формированию политики в области сельского хозяйства, одним из главных направлений которой стало развитие агрономических исследований объединенными усилиями правительства, земства и других общественных структур. Одновременно были изучены преемственность и перемены политической линии – от выработки ее основ царским правительством, коррекции «временщиками» до «смены вех» при большевиках. Таким образом, исследование охватывает всю первую четверть XX в. и проходит сквозь революции и Гражданскую войну. Ранние советские годы представляются частью единого этапа – с точки зрения идеологии и политики в области агрономии, – начавшегося накануне Первой мировой войны и завершившегося к середине 1920-х гг.

Агрономическая наука в Российской империи – стране аграрной, где три четверти населения были связаны с сельским хозяйством, – до рубежа XIX–XX вв. не являлась предметом последовательного внимания правящих кругов. Отдельные первые попытки направлять развитие агрономии «сверху» предпринимались неоднократно и к середине XIX в. уже дали некоторые результаты. Тем не менее, во властных структурах, как и в обществе в целом, бытовало мнение, что сельское хозяйство как исконное занятие российских крестьян может развиваться само по себе, без поддержки правительства и без участия науки.

Государственные инициативы возникли не на пустом месте. Как мы уже говорили, первые шаги в проведении агрономических исследований и органи-

зации опытных учреждений в России связаны с частными и общественными начинаниями. Просвещенные помещики, научные и сельскохозяйственные общества, уездные и губернские земства – те силы, которые хотя зачастую непоследовательно и несогласованно, но всегда увлеченно и самоотверженно, а иногда и чрезвычайно успешно занимались «вспомоществованием» агрономической науке. Создавались частные ботанические сады и образцовые хозяйства, опытные станции и сельскохозяйственные школы. Благодаря частному и общественному патронажу консолидировалось агрономическое сообщество: проводились съезды, издавались научные труды, журналы.

В конце 1920-х гг. российская наука начала подводить первые итоги жизни при новом режиме. Динамика развития многих дисциплин, рождение которых пришлось на рубеж веков, требовала осмысления. К этому подталкивала и зарождающаяся традиция рапортовать о достижениях советской власти, в том числе научных, к юбилейным революционным датам. Те дисциплины, которые могли похвастаться результатами, спешили публично заявить о достигнутом. Селекция, с которой в то время во всем мире связывали прогресс сельского хозяйства, оказалась среди тех областей, в которых были особенно ярки успехи отечественной агрономии. «Вехи селекции», «Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции», «Селекция и семеноводство: обзор результатов деятельности селекционных... организаций» – лишь некоторые из многочисленных сборников, опубликованных в это время.

Главная мысль изданий: советская наука достигла небывалых успехов и является признанным мировым лидером в данной области. Современного читателя, привыкшего скептически воспринимать реляции тех лет, вычитывая истину между строк, следует предупредить: зарубежные авторитеты свидетельствовали о том же. Подъем советской сельскохозяйственной генетики и селекции в 1929 г. отмечали известные генетики Э. Баур, Р. Гольдшмидт и др.

Известно было и об особом покровительстве большевистских лидеров молодым прикладным наукам. Складывалось впечатление, что за короткий срок советским ученым при поддержке новой власти удалось невероятное: не только организационно выстроить дисциплины, но и получить выдающиеся научные результаты, практическую отдачу в сельском хозяйстве. Прежде всего – массу ценных сортов сельскохозяйственных растений, которые были внедрены в производство уже в первые годы после революции и дали высокие урожаи.

Впечатляющие достижения, с которыми агрономическая наука подошла к «Великому перелому», – итог долгой, занявшей не одно столетие работы по ее когнитивному и институциональному формированию. Этот труд объединил усилия частных лиц, общества и государства; академических ученых, земских агрономов, образцовых хозяев.

С определенностью можно утверждать, что начатые еще в имперские времена исследования по селекции завершились урожаем новых сортов и открытий в области сельскохозяйственной генетики, отнесенных в период СССР к «научным достижениям советского строя». Даже предпринятая в середине 1920-х гг. реорганизация опытного дела, усилившая контроль государства за научной работой, сократившая число опытных учреждений и переориентиро-

вавшая ученых-опытников на практическую помощь крестьянам, в целом не помешала успешному развитию агрономических изысканий.

Внимательное изучение автором исторического опыта создания сельскохозяйственных опытных учреждений подводит нас и к ряду социокультурных выводов. Один из них: истоки агрономических институций уходят в декоративное садоводство, тесно связанное с религиозными и культурными традициями России. К этому общему выводу примыкает еще один: институции опытной агрономии во все времена были связаны с российской усадьбой. Это также сближает Россию с Англией и выделяет эти страны на фоне остальной Европы, где сельскохозяйственные опытные учреждения создавались независимо от частных владений.

Советская агрономия во многом обязана своим успехам активному строительству опытных учреждений на землях бывших поместий. Ученые-опытники развернули настоящую кампанию по созданию новых станций. Она оказалась успешной потому, что образовался большой фонд пустующих национализированных поместий, которые соответствовали критериям «культурных хозяйств». Именно в таких хозяйствах могли быть развернуты опытные работы.

Таким образом, в истории институционализации опытной агрономии в России можно увидеть определенную историческую цикличность. Опытные учреждения возникли в частных владениях, прошли через стадию специализированного государственного строительства (земли для опытных учреждений также часто предоставляли образцовые хозяева), а затем снова вернулись в «дворянские гнезда». Но на смену прежним владельцам и патронам – «просвещенным помещикам» – пришли «просвещенные большевики».

Эффективно действующая система таких учреждений сложилась в России относительно поздно, когда в странах Западной Европы и США история опытной работы исчислялась уже десятилетиями. В России действовало несколько типов опытных учреждений. Исследуя их, автор монографии сопоставила данные разных лет – от 1893 г. до середины 1920-х гг. – и предложила следующую историческую типологию подобных учреждений:

– *ботанические сады* – научно-исследовательские, учебно-вспомогательные и культурно-просветительские учреждения, в основе которых – коллекции живых растений, выращенных в открытом грунте и оранжереях;

– *образцовые хозяйства* – преимущественно частные имения с рационально организованным, опирающимся на научные рекомендации сельскохозяйственным производством;

– *показательные хозяйства (фермы, участки)* – учреждения, которые предназначались «для ознакомления населения с проверенными опытными полями новыми приемами сельскохозяйственной техники, а равно и новыми культурами... и вообще всеми полезными в области сельского хозяйства нововведениями»; к ним примыкали так называемые *коллективные опыты* – учреждения, где выясняли «отдельные приемы культуры в реальных условиях хозяйства путем массового наблюдения»;

– *сельскохозяйственные опытные поля* (и соответствующие учреждения по другим отраслям, в том числе *опытные питомники*) имели целью «проверять

в условиях данной местности... применяемость на практике добытых научным путем улучшенных приемов сельскохозяйственной культуры растений и животноводства»;

– *сельскохозяйственные опытные станции* осуществляли «исследования в области основных вопросов агрономической науки и методики опытной агрономии», а также «разрешение научными приемами вопросов, вызываемых практикой местного хозяйства»;

– *контрольные станции* имели своим основным назначением проведение анализов почв, растений, удобрений, сельскохозяйственных продуктов и прочего по запросам заинтересованных лиц и учреждений; иногда там также велись опытные исследования.

– *исследовательские институты* – высший тип опытного учреждения, призванный проводить научные исследования по теоретическим и специальным вопросам сельскохозяйственной науки и естествознания.

Только отдельные опытные учреждения имели возможность выполнять оригинальные исследования общенаучного значения. Работы подавляющего большинства опытных учреждений ограничивались решением местных вопросов, среди которых – севообороты, обработка и удобрение почвы под определенные культуры, сорта и посадочный материал, сельскохозяйственные машины и орудия, приспособленные к местным условиям. Чтобы дать соответствующие рекомендации, ученые-опытники должны были «изучать местность в естественноисторическом отношении» (почвенном, климатическом, биологическом): производить полевые и вегетационные опыты, выполнять всевозможные анализы, вести метеорологические наблюдения. Важность деятельности местных опытных учреждений для подъема агрономической культуры трудно переоценить.

Организация показательных участков и коллективных опытов, издание брошюр, плакатов и других средств наглядной агрономической агитации были обязательной частью программ опытных учреждений. Много времени отводилось и на традиционную практическую помощь более образованным сельским хозяевам: заказные исследования почв, удобрений, сельскохозяйственных продуктов, а также получение и продажу сортовых семян, посадочного материала и пр.

Движущей силой создания опытных учреждений была не логика научно-технического развития, не корпоративные интересы и запросы производителей, не правительственные декреты, как в Европе и США. В России история создания сельскохозяйственных опытных учреждений оказалась тесно связана с деятельностью прогрессивной части российского общества – просвещением народа.

Опытные учреждения в России возникали не при университетах и институтах, как в США и Западной Европе. Движение шло не только «от науки к земле», но и «от земли к науке». Решающую роль играла частная инициатива провинциальных землевладельцев. Все происходило стихийно: в далекой глубинке местный помещик решал создать образцовое хозяйство или опытную станцию. И вот вдали от железных дорог и уездных городов, не говоря уж о крупных научных центрах, возникало опытное учреждение с одним-двумя сотрудниками; одним из которых часто оказывался сам патрон-владелец.

Поэтому российских агрономов окружали не интеллектуалы университетских кампусов, а малограмотные крестьяне окрестных деревень и бескрайние просторы за пределами опытных полей. И своей целью эти энтузиасты ставили не только оригинальные исследования и умножение местного агрономического знания, не только утверждение академического статуса агрономии, введение ее в число «дворянских» дисциплин, но постоянное, встречающееся, как правило, сопротивление и протест, миссионерское несение своих знаний «в народ». И так, опытные фермы, поля, станции и т. д. в России, по крайней мере до начала XX в., в научном отношении были далеко не равноценны сельскохозяйственным экспериментальным станциям Западной Европы и Америки. Явный «национальный характер» российских опытных учреждений – их связь с идеями «просвещения народа» – еще один важный вывод, к которому подводит проведенное исследование.

Необходимо отметить, что О. Ю. Елина создала великолепный научный справочно-библиографический аппарат: список библиографических источников (с. 421–471) и именной указатель (с. 472–485). Особую ценность для исследователей, которые работают в области исследований аграрной науки, представляют примечания к каждому разделу. Например, в примечаниях к первому тому на 90 страницах приведен обширный библиографический список литературы, цитируемой и упоминаемой в тексте монографии. Дается большое количество расширенных научных комментариев, уточнений, отсылок к дополнительной литературе. Например, к разделу «Введение. В поисках науки сельского хозяйства» приведено 89 научных комментариев в соответствии с упоминаниями в тексте раздела (более детальное раскрытие терминов, событий, фактов) и дополнительные списки архивных и литературных источников. Целая подборка из 13 названий русской и иностранной литературы дается по истории русской сельской усадьбы, что очень важно для читателя монографии, поскольку ссылки даются как на большие фундаментальные работы, так и отдельные главы, разделы, отдельные страницы. Это значительно повышает научно-информационный уровень монографии, расширяет источниковедческую базу исследования, вводит в научный оборот много ранее не известных архивных и письменных документов. О. Ю. Елина проделала огромную работу по библиографическому поиску документов по данной теме, ведь до сих пор не создана полная библиография по истории сельского хозяйства и аграрной науки России за весь исторический период ее существования, что является также большой проблемой исторической науки.

Подытоживая, автор рецензии, который не один год занимается изучением поставленных в монографии проблем, хотел бы высказать несколько принципиальных замечаний – скорее в контексте «Украина и Россия в общности отечества». Первое, основное, – касается сделанного Ольгой Юрьевной заключения относительно исключительного значения «патрона» как двигателя организационных изменений в развитии сельскохозяйственного опытного дела. На мой взгляд, это неверное видение проблемы. Скорее реальные практические достижения на ниве отечественной агрономии XVIII и тем более XIX вв. стали причиной желанья «патронов» различного уровня и особенно частных землевладельцев, заниматься опытничеством, а не наоборот, как доказывает О. Ю. Елина. Как следствие в Российской империи от научных

подходов перешли к сельскохозяйственной науке. Реформа 1861 г. пробудила интерес к изучению возможностей Отечества в различных его проявлениях и главное было – иметь соответствующие отраслевые знания именно на научной основе. Поэтому именно высшее агрономическое образование и выдвинуло новую составляющую культуры науки в виде сельскохозяйственного опытного дела. Окончательный переход к нему произошел в 1883 г. с выходом «Российского чернозема» В. В. Докучаева. Книга фактически стала тем мостиком, по которому сельскохозяйственная наука перешла из категории наук исключительно практических в категорию естественно-научных. Причем этот факт имеет мировое признание и закрепляет приоритет России не только относительно морфолого-генетического почвоведения, но и науки агрономии. Не случайно начиная с конца XIX и до 20-х годов XX в. вместо термина «сельское хозяйство» в стране использовали термин «агрономия», подчеркивая его «онаученный» характер. Хочу повториться, что это принципиальное видение проблемы. Не случайно реальные успехи и открытия отечественных ученых агрономов, которые, к сожалению, автор недостаточно анализирует хотя бы в области разработки новых приемов обработки почвы, борьбы с засухой, севооборотов, полевого травосеяния и т. д., стали теоретической основой системной организации отраслевого опытничества в стране. Например, открытие мирового уровня было сделано на Полтавском опытном поле в конце XIX в., когда для повышения продуктивности агрофитоценозов было предложено воздействовать не на почву, а на сельскохозяйственное растение. Этот подход во многом предупредил появление специальных селекционных станций начиная с Харьковской, возникшей в 1908 г. И таких примеров достаточно. Опаздывая в опытничестве для потребностей аграрного сектора империи по сравнению с Европой на пятьдесят лет, Россия с 1900 г. семимильными шагами начала ликвидировать отставание при активном вмешательстве государства и главное – финансирования со стороны бюджета. Ведь до 1917 г. в деятельности современных опытных учреждений, которые советская эпоха только развивала, была заложена районная и областная организация отраслевых научных исследований в области агрономии. В 20-е годы XX в. произошла их оптимизация через институционализацию и академизацию, что, скорее, можно рассматривать как контроль за проведением и финансированием научного творчества, а это полностью отвечало советской партийной идеологии.

Мне кажется, что этой принципиальной ошибки не агроном по образованию О. Ю. Елина могла бы избежать, если бы ознакомилась с двумя диссертационными исследованиями на соискание степени доктора наук: 1) Н. И. Пшеничного «Сельскохозяйственное опытное дело в России и на Украине от его зарождения до Великой Октябрьской социалистической революции» (К., 1964) и 2) И. Р. Копыла «Русская агрономия XVIII века» (М., 1949).

Второе замечание касается утверждения О. Ю. Елиной относительно того, что сельскохозяйственные опытные учреждения в первую очередь развивались благодаря усилиям различных «патронов», но не университетов, как в Европе. Уверен, что тут доказательная база достаточная, если говорить о сельскохозяйственной науке вообще. Но если говорить о сельскохозяйственном опытном деле, то возникают чисто методические вопросы хотя бы относи-

тельно постановки и проведения опытов «патронами» или тем более их достоверности. Да и первые методики проведения полевых опытов для потребностей агрономии разработали преподаватели вузов – здесь можно упомянуть первые методические рекомендации профессора агрономии Харьковского университета А. Е. Зайкевич в 80-е годы XIX в. или заведующего кафедрой агрономии университета Св. Владимира в Киеве С. М. Богданова. Поэтому в аспекте достоверности проведения полевого и особенно лабораторного эксперимента первенство все-таки за вузами.

Третье замечание касается истории системы организации отечественного высшего агрономического образования в исследуемый автором период. Пройдя почти двухвековые эволюционные изменения, в стране удалось создать свою уникальную систему подготовки специалистов как для сельского хозяйства вообще, так и для его научно-образовательного обеспечения. Продуманная государственная система стимулов и особенно последипломной подготовки давала возможность молодым талантливым людям незнатного происхождения становиться профессорами в 27–32 года. В это воистину золотое время в жизни они делают в области агрономии открытия мирового значения. Так, С. М. Богданов определяет «мертвый запас влаги» в 27 лет, П. Р. Слезкин предложил в 31 год метод изучения питания растений, который получил название «метод изоляции», Д. Г. Виленский открыл закон «гомологических рядов в почвообразовании» в 28 лет, и таких примеров предостаточно. Имея до 1917 г. еженедельную педагогическую нагрузку в вузе два часа, профессора вместе с другими преподавателями во многом и создали славу русской агрономии через деятельность частных, земских и государственных опытных учреждений. Сначала развалив царскую систему образования, советская власть довольно быстро «вспомнила» о ее эффективности, особенно в условиях развертывающейся милитаризации страны. «Кухарки» в роли красных профессоров довольно быстро начали чувствовать свое необразованное пролетарское происхождение. И все чаще в конце 20-х гг. XX в. на очередных партийных чистках начали говорить, что лучше все-таки профессоров царских времен перевоспитывать, чем уничтожать.

Имеется еще ряд замечаний, которые носят дискуссионный характер относительно персонифицированного наполнения рассмотренных в двухтомнике проблем как относительно ученых, так и выбранных для примера опытных заведений. Например, касательно конкретного вклада аристократии в развитие отечественной агрономии. Существует довольно много характерных примеров в области хотя бы селекции. Так, граф Б. С. Тышкевич в своем имении Андрушовка Житомирского уезда сам создает уникальный сорт сахарной свеклы, который был награжден не одной медалью на международных выставках и признан во всем мире. Замечательные научные результаты на Полтавщине, обогатившие теорию обработки почвы, получил князь В. А. Кудашев. Этот перечень можно продолжить.

Сделанные замечания совершенно не умаляют достоинства лучшей на постсоветском пространстве исторической работы, посвященной истории становления и развития отечественной сельскохозяйственной науки. Надеюсь, О. Ю. Елина продолжит свои исторические поиски относительно не менее захватывающих и политически сложных 30–40-х гг. XX в. с их колхоз-

ным опытным делом, избами-лабораториями и домами сельскохозяйственной культуры.

Хочу отметить, что кроме прекрасного эталонного оформления издания автору практически удалось избежать одного важного, на наш взгляд, момента – политизации в оценке событий. В этом она разительно отличается от упомянутых работ Н. И. Пшеничного, И. Р. Копыла и А. А. Вербина. Доказывая таким образом, что история науки может быть менее политизирована, чем другие исторические дисциплины, когда в ее основе лежит изучение эволюции научной мысли.

В заключение хотелось бы выразить надежду на дальнейшие творческие изыскания автора в данном направлении. Они не имеют предела, если верить древним, что изучение истории – это как вступить в Эгейское море – «шаг, еще шаг, а потом бездна».